

*С.А. Ковалевский***Культурно-исторические процессы на территории Кузнецкой котловины в эпоху поздней бронзы***

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, корчажнинская культура, ирменская культура, Кузнецкая котловина.

Key words: Late Bronze epoch, Korchazhkinskaya cultura, Irmenskaya cultura, Kuznetsk hollow.

Кузнецкая котловина – межгорная впадина, расположенная в центральной и северо-западной частях Кемеровской области и частично в восточной части Новосибирской области РФ. Котловина имеет форму неправильного прямоугольника, вытянутого с юго-востока на северо-запад. Ее длина составляет 400 км, а ширина колеблется в пределах 100–120 км. В естественно-историческом отношении этот регион расположен почти на границе Западной и Средней Сибири и представляет собой один из элементов, входящих в состав Кузнецко-Салаирской провинции Кузнецко-Алтайской области Алтайско-Саянской физико-географической страны. С северо-востока Кузнецкая котловина ограничена Кузнецким Алатау, с юго-запада – Салаирским кряжем, с юга – массивами Горной Шории, а на севере сливается с Западно-Сибирской равниной [1, с. 656; 2, с. 214].

Ландшафт Кузнецкой котловины являет собой резкую и густую систему долин, балок, увалов, насыщенных луговым травяным покровом, лесной и лесостепной растительностью. В целом она представляет собой волнистую эрозийную, слабо расчлененную равнину, состоящую из холмов, увалов и гряд. На большой площади их образование связано с деятельностью рек Томь, Иня и их притоков. Высоты водоразделов Кузнецкой котловины повышаются от 200–250 м на севере до 500–600 м на юге [2, с. 214; 3, с. 265–266].

В южной части преобладает холмисто-увалистый рельеф, а в северной – равнинный. Центральная и восточная части котловины наиболее приподняты и состоят из ряда невысоких гор и хребтов. Здесь имеются гряды останцевых возвышенностей: Тарадановский увал, Салтымаковский и Караканский хребты, Абинские и Койпотские горы. Кузнецкая котловина относится к типу лесостепных. Однако имеющиеся климатические особенности способствуют развитию лесостепных ландшафтов только в восточной части котловины. Территория западной части Кузнецкой котловины нахо-

дится в дождевой «тени», и здесь доминируют степные участки. Количество осадков в Кузнецкой котловине достаточно, но распределение их по территориям неравномерно, они увеличиваются как в южном, так и в восточном направлениях. В предгорной части котловины осадков выпадает в среднем за год около 800–1000 мм, а в котловине 300–450 мм. Меньше всего осадков выпадает в равнинной засушливой северо-западной части котловины (300 мм) [4, с. 9–14].

Имеющиеся природно-климатические особенности отдельных частей Кузнецкой котловины предопределили дифференциацию хозяйственно-культурных типов различных групп населения, проживавших здесь в различные исторические эпохи, а также направления их культурно-исторического развития и межкультурных коммуникаций. Эпоха поздней бронзы представлена на территории Кузнецкой котловины материалами корчажнинской и ирменской культур.

Корчажнинская культура. Памятники андроновидной корчажнинской культуры были выделены и изучены преимущественно сотрудниками Кузбасской археологической экспедиции под руководством В.В. Боброва в северо-восточном Присалаирье [5, с. 16–17, 28, 35]. В.А. Зах исследовал ряд андроновидных памятников в северном Присалаирье. В соответствии с периодизацией ирменской культуры, разработанной А.В. Матвеевым, он отнес эти памятники к переходному ордынскому этапу и раннему быстровскому этапу ирменской культуры [6, с. 57–66]. Разведка и изучение андроновидных корчажнинских памятников проводились также Ю.В. Шириным, А.М. Илюшиным и другими исследователями.

К настоящему времени изучены поселения Танай-4, Танай-4а, Исток, Саратовка-6 и Заречное-3, содержавшие материалы корчажнинской культуры [5, с. 16; 7, с. 17–18; 8, с. 187–190; 9, с. 197–200; 10, с. 263–268; 11, с. 241–244; 12, с. 274–279; 13, с. 196–198; 6, с. 63–66]. Исследованию подверглись и три могильника, содержащие корчажнинские погребения – Танай-1, Танай-12 и Заречное-1 [6, с. 62–63; 14, с. 75–78; 15, с. 226–230; 16, с. 189–193; 17, с. 229–233]. Картографирование корчажнинских памятников показало, что они локализуются на территории Кузнецкой котловины в предтаежных районах прилегающих к Салаиру, в основном, не распространяясь на лесостепную и степную ее части. Исключение составляют лишь отдельные находки корчажнинской керамики, встречающиеся в материалах памятников ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. Приуроченность

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект №07-01-00527а «Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы и проблема формирования протогородской цивилизации на юге Западной Сибири»).

корчажкинских памятников к предтаежным территориям Присалаирья объясняется комплексностью хозяйственно-культурного типа корчажкинцев, сочетавшего производящие и присваивающие формы. По информации В.В. Боброва, хозяйство населения корчажжинской культуры Кузнецкой котловины носило ярко выраженный скотоводческий характер. Тем не менее среди занятий «корчажкинцев» исследователем отмечается роль охоты и рыболовства [5, с. 31].

Хозяйство населения корчажжинской культуры, сопредельного с Кузнецкой котловиной Верхнего Приобья, барнаульскими исследователями было охарактеризовано как многоотраслевое, где доминировали скотоводство и охота, а рыболовство имело вспомогательный характер. При этом исследователи, ссылаясь на мнение М.Ф. Косарева, отмечают рациональность многоотраслевого хозяйства, отличавшегося большими адаптивными возможностями, чем пастушеско-земледельческое. Такой тип хозяйства в условиях экологического кризиса мог легко трансформироваться [18, с. 90–100].

Для территории Верхнего Приобья барнаульские специалисты определили экологическую нишу существования корчажжинской культуры. Памятники этой культуры занимали преимущественно территории правобережья Оби, вдоль ленточных боров, по берегам небольших старичных озер, проток, а также в устьях небольших рек [19, с. 138–142; 20, с. 9; 21, с. 213–217]. В.А. Могильников отмечал приуроченность в Верхнем Приобье еловских и корчажжинских памятников к правобережью Оби, полагая, что экологическая обстановка Приобского бора была благоприятна для ведения их комплексного хозяйства [22, с. 151–154].

Действительно, правобережье Оби и Присалаирье видятся на современном этапе изучения как территория обитания и хозяйственного природопользования населения корчажжинской культуры. Эта территория соответствует понятию «контактная зона», выделенному Ю.В. Шириным для юга Западной Сибири. Контактной зоной исследователь считает особый историко-культурный район, куда он относит подтаежную лесостепную полосу Западно-Сибирской равнины, приобские ленточные боры, гидроморфные ландшафты Оби и Томи, а также предгорья и низкогорья Северного Алтая и Кузнецко-Салаирской горной области. По его мнению, контактная зона отличалась полиэтничностью населения. Сюда стремились таяжные группы. Здесь оседали экономически ослабевшие обитатели степей [23, с. 78–81].

Объясняя культурную близость населения южных и северо-восточных предгорий Салаира, проживавшего здесь в раннем железном веке и раннем средневековье, Ю.В. Ширин опирается на этнографические данные. Согласно этим данным в Новое время вокруг Салаирского кряжа традиционно проживали родственные этнические группы, для которых салаирская тайга была промысловой территорией. По его мнению, предгорья Салаира в эпоху железа представляли собой

единую историко-культурную область [24, с. 305–306; 25, с. 208]. Думается, что данная модель хозяйственного освоения Присалаирья возникла еще в эпоху бронзы, что и подтверждают материалы корчажжинской культуры.

Происхождение корчажжинского населения В.В. Бобров связывает с процессом взаимодействия андроновцев с южносибирским населением, носителями гребенчато-ямочной керамики [5, с. 28, 35]. По мнению В.А. Заха, материалы ордынского типа формируются в Приобье и Присалаирье на основе федоровских при непосредственном участии гребенчато-ямочных (большеларьякских) и крохалевских комплексов [6, с. 63]. Дискуссионным является вопрос о территории формирования корчажжинской культуры Кузнецкой котловины. Только предстоит выяснить, имеет ли корчажжинская культура Кузнецкой котловины автохтонное происхождение или она была привнесена сюда уже в готовом виде из Приобья.

По керамическим материалам поселенческих и погребально-поминальных комплексов северо-восточного и северного Присалаирья можно, на предварительном уровне, выделить несколько культурных компонентов, принявших участие в корчажжинском культурогенезе. Наиболее представительным является собственно андронидный корчажжинский компонент, восходящий к гребенчато-ямочному компоненту.

Достаточно выражен и андроновский компонент, представленный преимущественно так называемой ритуальной посудой. Такая посуда наиболее характерна для погребальных комплексов, но встречается и на поселениях. Для данной посуды характерно использование орнаментальных элементов и мотивов, восходящих к андроновской традиции.

Значимым является и ирменский компонент. В материалах ряда исследованных корчажжинских поселений присутствует ирменская керамика, зачастую содержащая в орнаментации отдельные корчажжинские признаки. При ближайшем рассмотрении такую керамику можно назвать «смешанной» ирменско-корчажжинской. Она встречается в тех районах, где ирменское население контактировало с еловским, сузгунским и корчажжинским населением. Нам представляется, что наличие в материалах корчажжинских памятников посуды, орнаментированной в ирменской манере, может свидетельствовать о периоде сосуществования корчажжинской и ирменской культур на территории северо-восточного и северного Присалаирья. В.В. Бобров и В.Н. Жаронкин, исследовавшие корчажжинское поселение Танай-4а, допускают сосуществование на определенном промежутке времени этих культур. Это подтверждается одновременным нахождением в некоторых ямах сооружения №30 поселения Танай-4а керамики (включая венчики) обеих культур [26, с. 238–239].

В меньшей степени ощущается влияние саргаринско-алексеевского и лугавского компо-

нентов, что объясняется удаленностью территорий распространения этих культурных образований. Немногочисленная посуда, вызывающая саргаринско-алексеевские ассоциации, представлена фрагментами сосудов с «воротничками». Наибольшее распространение «воротничковой» керамики связано с древностями саргаринско-алексеевской культуры, распространенной на территории степного Алтая и северо-восточного Казахстана. Проникновение степного населения ощущалось и в более позднее время, что подтверждается наличием немногочисленной посуды с валиками донгальского типа на ирменских поселениях Кузнецкой котловины [27, с. 234–239].

Впервые зафиксирован в корчажкинских материалах лугавский компонент (по материалам поселения Саратовка-6). Проникновение карасукского и лугавского импорта бронзовых предметов на территорию Кузнецкой котловины и Верхнего Приобья в эпоху поздней бронзы – факт хорошо известный. Однако наличие лугавской керамики на корчажкинском поселении Присалаирья свидетельствует о пребывании здесь и самих носителей данной культурной традиции. Характер этого присутствия нуждается в объяснении и подтверждении дополнительными материалами.

Ирменская культура. В отличие от корчажкинских, ирменские памятники известны на всей территории Кузнецкой котловины. К настоящему времени здесь было открыто достаточно большое количество ирменских памятников (около 60 поселений и 17 могильников). Эти памятники неравнозначны в количественном и качественном отношении. Известны как крупные стационарные поселения ирменской культуры (Красная Горка-1, Бурлаки-1 и др.), на которых исследователями зафиксированы западины от крупных жилищ и зольники, так и сезонные поселения, на которых известны только небольшие жилища, либо они вовсе не зафиксированы (Торопово-4, Саратовка-1 и др.). Также выделены как крупные ирменские могильники (Журавлево-4, Танай-7 и др.), так и сравнительно небольшие (Титовский, Журавлево-1, Шабаново-1 и др.). Кроме того, известны единичные впускные ирменские погребения в курганы андроновской, корчажкинской и ирменской культур (Васьково-5, Танай-1, 12, Журавлево-4).

Ирменские поселения «привязаны» к гидрографической системе Кузнецкой котловины, которая является составной частью Верхней Оби. На территории Кузнецкой котловины находятся истоки трех крупных правых притоков Оби – Чумыша, Ини и Томи. Ирменские памятники исследованы в долинах всех трех рек. Наибольшая их концентрация наблюдается в долинах Ини и Томи. Рассмотрение особенностей этих памятников позволяет выделить две территориальные группы – инскую и томскую.

Инская группа памятников. Иня является важной водной артерией Кузнецкой котловины. Она берет свое начало в центральной части Кузнецкой котловины, Тарадановского увала, и протекает преимущественно

в западной части. Главные ее притоки: реки Бачат, Ур, Касьма и Тарсьма берут свое начало в горах Салаирского кряжа. Иня имеет типичные черты старости: медленное течение и большую ширину долины. Кроме этих рек, на территории котловины имеется много мелких рек, ручьев и озер, но в гидросистеме этого региона они играют не такую большую роль. Долины всех рек широкие, изобилующие системами озер и заболоченными участками; как правило, богаты луговыми травами [4, с. 11].

В долине Ини и на ее левых притоках сосредоточено наибольшее количество ирменских памятников. Из притоков Ини наиболее исследована долина Касьмы, где открыто около десяти ирменских памятников. Единичны ирменские памятники на Большом Бачате, Уре, Тарсьме и Изылы. Самое значительное число ирменских поселений (около 26) приурочено к долине самой Ини. Как отмечает В.А. Зах, ирменские поселения, так же, как и доандроновские, в основном приурочены к верхней части первой надпойменной террасы [6, с. 98]. Среди них выделяются как крупные стационарные поселки, так и сезонные стоянки. Несмотря на это, исследованность ирменских поселений нельзя признать достаточной. Как правило, они изучены разведками, сборами и небольшими раскопками. Среди них наиболее исследованными являются поселения Куделька-2, Иня-9 (Ясашный Луг), Линево-1 [6, с. 13–19, 66–67].

Концентрация ирменских поселений в долине Ини объясняется, на наш взгляд, тремя основными причинами. Во-первых, долина Ини хорошо исследована археологами. Здесь неоднократно проводили разведки и систематические исследования археологических памятников У.Э. Эрдниева, А.И. Мартынова, В.В. Боброва, Ю.И. Михайлова, В.А. Заха и другие исследователи. Во-вторых, долина Ини в древности представляла собой важную транспортную артерию, связывающую две части ирменского мира — Верхнее Приобье и Кузнецкую котловину. В-третьих, долина Ини с ее обширными луговыми террасами, используемыми до настоящего времени для покосов и выпасов скота, являлась удобной территорией для ведения скотоводческого хозяйства. Скотоводческая направленность хозяйства ирменцев Присалаирья достаточно аргументирована исследованиями В.А. Заха по материалам поселения Куделька-2 [6, с. 105]. По мнению В.В. Боброва, статистические данные о структуре стада ирменцев Кузнецкой котловины идентичны данным Верхнего Приобья, за исключением долевого веса мелкого рогатого скота. Само скотоводство характеризуется пастушеским типом, с преобладанием крупного рогатого скота в стаде и стойловым содержанием животных в зимний период. В.В. Бобров полагает, что у ирменцев сформировался оптимальный скотоводческий комплекс с заметной долей коневодства, способный легко трансформироваться в кочевые формы [5, с. 32].

Гораздо в меньшей степени известны в долине Ини погребально-поминальные комплексы ирменцев. Часть их расположена на возвышенных надпойменных террасах левых притоков Ини – Камышлы, Тарсьмы, Касьмы. Наибольшая концентрация погребально-поминальных комплексов эпохи развитой и поздней бронзы на территории Кузнецкой котловины наблюдается в долине оз. Танай, где был выделен Танайский АМР [28, с. 17–19]. Памятники Танайского АМР были исследованы сотрудниками Кузбасской археологической экспедиции под руководством В.В. Боброва. Здесь изучено, в разной степени, шесть ирменских курганных могильников, не считая впускных ирменских погребений в курганы других эпох. Наиболее крупными среди исследованных могильников являются Журавлево-4 и Танай-7 [29–30]. Все остальные раскопанные могильники были небольшими. Из них опубликованы только материалы могильника Журавлево-1 [31, с. 64–81]. Вместе с тем в Танайском АМР, насыщенном погребально-поминальными комплексами ирменского времени, известно лишь одно крупное ирменское поселение на р. Исток [12, с. 274–279]. Другие же крупные поселенческие комплексы, исследованные здесь (Танай-4, Танай-4а), содержат лишь немногочисленные следы присутствия ирменского населения [26, с. 237–240].

Инская группа ирменских памятников расположена в районах, прилегающих к северо-восточному и северному Присалаирью. В территориальном и культурно-историческом отношении она тяготеет к Верхнему Приобью, с которым связана долина Ини. Многочисленность памятников инской группы, наличие мощных долговременных поселений, больших некрополей говорит о том, что эта территория, наряду с Верхним Приобьем, была одним из основных центров ирменского мира. Исследованные на данной территории памятники андроновской и корчажкинской культур позволяют актуализировать вопрос о территории формирования ирменской культуры.

Все исследователи, касавшиеся вопроса происхождения ирменских памятников Кузнецкой котловины, отмечали прямое участие в этом процессе андроновского компонента. Признавалось также влияние карасукской культуры Минусинской котловины [32–34]. Позднее В.В. Бобровым было доказано, что кроме андроновского компонента, на ирменский культурогенез Кузнецко-Салаирской горной области повлияли андронидный корчажкинский и лугавский компоненты [5, с. 35–36; 29, с. 91–92]. Степень влияния и конкретное наполнение этих компонентов (по материалам погребально-поминальных памятников Кузнецкой котловины) были конкретизированы автором данной работы [35, с. 75–82].

Томская группа памятников. Часть ирменских поселений Кузнецкой котловины была открыта и изучена в долине Томи и на ее притоках. Достаточно долго единственным ирменским объектом, исследованным на этой территории, было городище Люскус, раскопанное в

1970-е гг. Кузбасским отрядом Южно-Сибирской археологической экспедиции под руководством В.В. Боброва [36, с. 47–59]. Лишь начиная с 1990-х гг. в результате планомерных разведок и раскопок археологических памятников юга Кузнецкой котловины экспедицией историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» под руководством Ю.В. Ширина был выявлен целый ряд ирменских поселений [37, с. 170–184]. Ирменские поселения среднего Притома были зафиксированы только в его левобережной остепненной части (исключением пока остается только городище Люскус), преимущественно в долинах небольших притоков.

По наблюдению Ю.В. Ширина, ирменские поселения, исследованные в южной части Кузнецкой котловины, тяготеют к наиболее остепненным ландшафтам. Исследователь фактически выделил два типа ирменских поселений. Поселения первого типа располагались преимущественно в широких долинах притоков второго и третьего порядков, где поселенческие площадки находились на прислоненных террасах с южной экспозицией вблизи крупных родников. Для таких поселений характерны долговременные постройки с очагами, немного заглубленные в землю, а также мощные зольники. Поселения второго типа представляют собой временные стоянки с единичными находками, которые располагались на открытых площадках – как на притоках, так и в поймах крупных рек [37, с. 174].

Приуроченность ирменских поселений к левобережью Томи, вероятно, связана с тем, что эта территория находилась на границе природных зон и была удобна для ведения комплексного хозяйства, сочетающего производящие и присваивающие формы. Долины рек и остепненные территории Томь-Кондомских предгорий были удобны для ведения производящего хозяйства. Речная сеть была богата рыбой. Неподалеку находились горнотаежные массивы Кузнецкого Алатау и Горной Шории, удобные для ведения присваивающих форм хозяйства. Выгодное географическое расположение ирменских поселений давало возможность для ведения торгово-обменных операций с населением горнотаежных районов Горной Шории, Кузнецкого Алатау и более удаленных территорий. Так, археологически фиксируются связи ирменцев Притома (пос. Аба-1, Красулино-5, Прорва-2) с населением лугавской культуры Минусинской котловины.

Периферийное положение ирменских поселений среднего Притома на восточных и юго-восточных рубежах ирменского мира, с одной стороны изолированных горнотаежными массивами, а с другой – находящихся в зоне контакта культур эпохи поздней бронзы Западной и Средней Сибири, позволяет актуализировать вопрос их хронологии и определенной культурно-территориальной специфики. Не случайно именно на этой территории к настоящему времени выявлено уже достаточно представительное число памятников переходного времени от бронзы к железу и

раннего железного века [37, с. 174–184; 38, с. 3–24; 39, с. 5–40]. И вместе с тем на территории центральной и западной части Кузнецкой котловины, несмотря на многолетние работы археологов, памятники этих исторических периодов единичны [12, с. 274–279; 40, с. 94–95; 41, с. 6–14]. По мнению Ю.В. Ширина, исследованные на юге Кузнецкой котловины позднеирменские памятники позволяют проследить постепенное оседание степного населения в предгорной зоне с переходом от специализированного скотоводства степного типа к комплексному, сезонно и ландшафтно обусловленному типу хозяйства с увеличением доли присваивающей экономики [37, с. 184].

Территория среднего Притомья, вероятно, не была территорией, где шло формирование ирменской культуры. В пользу этого предположения говорит отсутствие здесь андроновских и андроновидных памятников. Это позволяет предполагать, что ирменское население освоило Томь-Кондомские предгорья на финальной стадии эпохи поздней бронзы. Одной из причин этого, возможно, стал экологический кризис, заставивший ирменское население искать сначала альтернативные ресурсы для существования, а впоследствии и переориентировать свой хозяйственно-культурный тип, что привело к формированию памятников позднеирменского типа. Интересно, что похожие процессы шли и на территории Верхнего Приобья, где в финале эпохи поздней бронзы наблюдается оседание потомков ирменского и смешанного ирменско-корчажкинского населения в северных предгорьях Алтая, в междуречье Бии и Катунь. Следовательно, можно предположить, что ирменские поселения Томь-Кондомских предгорий должны занимать более позднюю хронологическую позицию по отношению к ирменским памятникам Кузнецкой котловины.

Существенным фактором, повлиявшим на процесс трансформации хозяйственной деятельности ирменского населения в Притомье, Ю.В. Ширин считает

лугавский компонент, выявляемый в составе ирменских комплексов [37, с. 184]. Фактически исследователь признает роль лугавского населения в процессе формирования на территории Притомья культурного образования переходного времени от бронзы к железу, получившего название позднеирменской культуры. Своеобразие памятников переходного времени от бронзы к железу на территории Притомья очевидно. Так, Д.В. Папин высказал идею о том, что на начальном этапе переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку можно говорить о существовании на юге Западной Сибири культурного образования, в котором выделяются три региональных варианта (барабинский, верхнеобский и среднетомский), соотносимые с позднеирменскими памятниками Барабы и средней Томи, завьяловскими и раннебольшереченскими памятниками Верхней Оби [42, с. 20]. В этом случае можно говорить о формировании культуры переходного времени от бронзы к железу на территории Притомья, выделяя в качестве компонентов, принявших участие в культурогенезе, ирменский, лугавский и, частично, северный (атлымский).

Культурно-территориальное своеобразие ирменских памятников среднего Притомья действительно должно определяться влиянием лугавского компонента. Однако степень его еще предстоит выяснить. Смешанные ирменско-лугавские памятники известны на территории, примыкающей к среднему Притомью Мариинско-Ачинской лесостепи (поселения Шестаково-1а, Малый Берчикуль, Тамбарское водохранилище, Темра, Усть-Парная, могильник Устинкино). Но характер присутствия лугавского компонента на ирменских поселениях среднего Притомья пока не ясен. Только предстоит определить, проживали ли здесь какие-то группы лугавского населения либо лугавские инкорпоранты попадали сюда в результате производственных и брачных контактов.

Библиографический список

1. Большая советская энциклопедия (БСЭ). – 3-е изд. – М., 1955. – Т. 30.
2. Мытарев, А.А. От Абы до Яи. Географический словарь Кузбасса / А.А. Мытарев. – Кемерово, 1970.
3. Краткая географическая энциклопедия (КГЭ). – М., 1961. – Т. 2.
4. Атлас Кемеровской области. – Кемерово ; Новосибирск, 1996.
5. Бобров, В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В.В. Бобров. – Новосибирск, 1992.
6. Зах, В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона) / В.А. Зах. – Новосибирск, 1997.
7. Бобров, В.В. Культурная принадлежность поселения Танай-4 / В.В. Бобров, Л.Ю. Касастикова // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул, 1989.
8. Бобров, В.В. Новые материалы из раскопок поселения Танай-4а / В.В. Бобров, В.Н. Жаронкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998. – Т. IV.
9. Бобров, В.В. Исследование поселения Танай-4 / В.В. Бобров, О.В. Умеренкова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998. – Т. IV.
10. Бобров, В.В. Новые источники постандроновского времени из Кузнецкой котловины (по результатам раскопок поселения Танай-4 в 1999 г.) / В.В. Бобров, О.В. Умеренкова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1999. – Т. V.
11. Бобров, В.В. Результаты полевых исследований поселения Танай-4 в 2000 г. / В.В. Бобров, О.В. Умеренкова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2000. – Т. VI.

12. Бобров, В.В. Итоги полевых исследований памятника Исток (предварительное сообщение по материалам керамических комплексов) / В.В. Бобров, А.В. Фрибус, А.Г. Марочкин, П.Г. Соколов, С.В. Баштанник // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2006. – Т. XII. Ч. I.
13. Илюшин, А.М. Поселение Саратовка-6 – новый памятник эпохи поздней бронзы в Кузнецкой котловине / А.М. Илюшин, С.А. Ковалевский, В.А. Борисов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2001. – Вып. 12.
14. Бобров, В.В. Танай-I – могильник корчажкинской культуры / В.В. Бобров // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1995.
15. Бобров, В.В. Танай-12 – новый памятник эпохи бронзы в Кузнецкой котловине / В.В. Бобров, В.С. Горяев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2000. – Т. VI.
16. Бобров, В.В. Итоги полевых исследований памятника Танай-12 / В.В. Бобров, В.С. Горяев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2004. – Т. X.
17. Бобров, В.В. Планиграфические особенности памятника Танай-12 / В.В. Бобров, В.С. Горяев, О.В. Умеренкова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VIII.
18. Шамшин, А.Б. Хозяйство населения Барнаульско-Бийского Приобья в эпоху поздней бронзы и в переходное время от бронзы к железу / А.Б. Шамшин, А.В. Гальченко // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997.
19. Кирюшин, Ю.Ф. Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая / Ю.Ф. Кирюшин, А.В. Гальченко, В.С. Удодов, А.Б. Шамшин // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул, 1988.
20. Кирюшин, Ю.Ф. Вклад М.П. Грязнова в изучение древней истории Алтая / Ю.Ф. Кирюшин // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 1992. – Ч. 1.
21. Шамшин, А.Б. Взаимодействие носителей культур эпохи поздней бронзы в Алтайском Приобье (по материалам поселения Фирсово-XVIII) / А.Б. Шамшин, О.А. Цивцина // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001.
22. Могильников, В.А. Эпоха поздней бронзы Верхнего Приобья и проблема происхождения большебереченской культуры / В.А. Могильников // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул, 1988.
23. Ширин, Ю.В. Контактная зона в маргинальном районе: особый путь развития или историческая судьба? / Ю.В. Ширин // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово, 1997.
24. Ширин, Ю.В. Томь-Кондомские предгорья в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. / Ю.В. Ширин // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001.
25. Ширин, Ю.В. Новое в археологии Ельцовского района / Ю.В. Ширин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2005. – Вып. XIV.
26. Бобров, В.В. О новом типе сооружений ирменской культуры (по материалам полевых исследований поселения Танай-4а) / В.В. Бобров, В.Н. Жаронкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2000. – Т. VI.
27. Ковалевский, С.А. Валиковая керамика из комплекса поселений Торопово-4 / С.А. Ковалевский // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2006. – Вып. XV.
28. Бобров, В.В. АМР и общие проблемы западносибирской археологии (на примере Танайского археологического микрорайона) / В.В. Бобров // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск, 1994.
29. Бобров, В.В. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4 / В.В. Бобров, Т.А. Чикишева, Ю.И. Михайлов. – Новосибирск, 1993.
30. Бобров, В.В. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины / В.В. Бобров, Л.Н. Мыльникова, В.П. Мыльников // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул, 2004.
31. Бобров, В.В. Охранные раскопки могильника поздней бронзы Журавлево-1 / В.В. Бобров // Археология, антропология, этнография Сибири. – Барнаул, 1996.
32. Мартынов, А.И. Новый район карасукской культуры / А.И. Мартынов // Советская археология. – 1964. – №2.
33. Савинов, Д.Г. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) / Д.Г. Савинов, В.В. Бобров // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978.
34. Савинов, Д.Г. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инь / Д.Г. Савинов, В.В. Бобров // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск, 1981.
35. Ковалевский, С.А. Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины / С.А. Ковалевский. – 2-е изд., доп. и испр. – Кемерово, 2006.
36. Бобров, В.В. Поселение на р. Люскус (предварительное сообщение) / В.В. Бобров // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1979.
37. Ширин, Ю.В. Типы поселений эпохи поздней бронзы и «переходного периода» на юге Кузнецкой котловины / Ю.В. Ширин // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул, 2004.
38. Окунева, И.В. Поселения эпохи раннего железа в Томь-Кондомском предгорном районе / И.В. Окунева, Ю.В. Ширин // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1999. – Вып. 4.
39. Ширин, Ю.В. Погребальные памятники эпохи раннего железа на юге Кузнецкой котловины / Ю.В. Ширин // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2004. – Вып. 6.
40. Зах, В.А. Линево-1 — памятник переходного времени от бронзы к железу / В.А. Зах // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул, 1986.
41. Ковалевский, С.А. Материалы переходного времени и раннего железного века из комплекса поселений Торопово-4 / С.А. Ковалевский, А.М. Илюшин // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2006. – Вып. 8.
42. Папин, Д.В. Культура населения лесостепного Алтайского Приобья в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д.В. Папин. – Барнаул, 2004.